Шолохов М

22/X-86

ШОЛОХОВ — ФОЛКНЕР: СУДЬБЫ РЕАЛИЗМА, СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Как уже сообщала «ЛГ», в Ростове-на-Дону прошел советско-американский симпозиум «М. Шолохов и У. Фолкнер». Еще сравнительно недавно такая тема вызвала бы кое у кого удивление, ныне же мы удивляемся тому, как долго проходили мимо подобного сопоставления, столь много проясняющего в судьбах реалистического искусства XX века. Шолохов и Фолкнер, будучи, на первый взгляд, писателями сугубо региональными, не покидавшими свой родной край — станицу Вешенскую и городок Оксфорд в штате Миссисипи, — сумели выйти в своем творчестве к главным проблемам мира и человеческой истории, их книги стали необходимыми миллионам читателей во всех странах. Главное, что сближало двух крупнейших прозаиков нашего времени, — их стойкий гуманизм, неизбывная вера в человека, способного преодолеть жесточайшие испытания, в подлинно трагических обстоятельствах превозмочь несправедливость и зло (в том числе и внутри самого себя) и утвердить свой идеал. Высочайший художественный талант, подлинный демократизм и народность этих писателей позволили им отразить в судьбах своих вполне «рядовых» героев основные конфликты времени, утвердить неразрывную связь индивидуума с миром, показать эпическое движение национальной и мировой истории. Конечно, в творческом методе Шолохова, художника социалистического реализма, и Фолкнера, шедшего к реализму трудными, порой весьма сложными путями, немало различий. Герои Фолкнера вписаны в историю, а в шолоховских эпопеях убедительно показано, как народные массы сами пишут историю. Не обошлось на симпозиуме и без принципиальных споров между советскими и американскими учеными. Но определяющей была атмосфера творческого и человеческого сотрудничества, убежденность каждого из участников, что своей совместной работой они вносят вклад в укрепление дружбы и доверия между народами наших стран. И когда в своем выступлении глава американской делегации, директор Центра по изучению культуры Юга США при университете Миссисипи У. Ферис сказал: «Шолохов и Фолкнер — это наша надежда», — он, без сомнения, имел в виду многое... Как все великие писатели, Шолохов и Фолкнер в своем творчестве обращены в нашу современность. Поэтому, естественно, в личных беседах между участниками симпозиума споры и обсуждения нередко переходили на сегодняшнее положение дел в литературе. Наш корреспондент обратился к американским литературоведам с просьбой высказать свою точку зрения на злободневные вопросы текущей литературной жизни (в частности, судьбу романа и его ближайшие перспективы), роль и значение эпических традиций, традиций Шолохова и Фолкнера в нынешней прозе. Свои соображения по этим проблемам высказывает также один из советских участников симпозиума, старший научный сотрудник ИМЛИ АН СССР А. Зверев.

Джон ПИЛКИНГТОН,

почетный профессор университета Миссисипи

Мои научные интересы ограничиваются пятидесятыми годами нынешнего века, поэтому на ваши вопросы могу отвечать лишь как обыкновенный читатель. Высшие достижения романного искусства как раз и пришлись на период до середины пятидесятых годов, после этого появилось немало хороших мастеров, но ни одного гиганта, во всяком случае, писателя уровня Шолохова или Фолкнера. Они не «поднимали» местную, региональную проблематику до мировой, они создавали литературу, которая в одно и то же время была и специфически региональной, и глубоко национальной, и мировой. И вот что еще интересно: многие современные им писатели оставили свой след в литературе, разрабатывая тот или иной аспект бытия — трагедию «потерянного поколения», фрейдистские комплексы, отчуждение «маленького человека» в большом городе и так далее (применительно к советской литературе вы можете назвать другие темы), но эти два гиганта писали «просто» о человеке и поэтому о каждой из названных проблем написали глубже других.

Сейчас в США с романом успешно соперничают биографическая литература, публицистика, разного рода документальная, нехудожественная проза (так называемая «литература факта»). Фактическая достоверность вызывает больше доверия у читателей, материал таких книг зачастую является сенсационным; но я бы рискнул выдвинуть и такое объяснение: сейчас нет достаточно хороших писателей-художников, которые смогли бы привлечь читательское внимание, отвлечь его от подобного рода литературы.

Но я не пессимист, нет. Я вообще считаю, что «золотой век» романа еще вернется. Допускаю я и появление подлинно эпических романов, типа шолоховских или фолкнеровских, когда появится соответствующего масштаба художник, способный решить такую задачу.

Конечно, на первый взгляд, поток развлекательной литературы — сегодня ее печатают, по-моему, просто на килограммы — захлестывает все вокруг. Но серьезные романы продолжают издаваться, и люди читают их. Когда-то говорили, что радио убьет роман, потом — что его убьет автомобиль, убьет кино, телевидение. Но роман жив пока. Давайте подождем еще лет двадцать и посмотрим, что произойдет.

А если серьезно, роман, мне кажется, наилучший жанр для художественного постижения мира и людей. Мало кто из писателей добивался признания, становился великим, будучи лишь автором коротких рассказов. Короткий рассказ не дает писателю той перспективы, той глубины, которую дает роман, для выявления своего понимания действительности. Это и является величайшим преимуществом романа — уникального жанра, обладающего, если так можно выразиться, всеми измерениями.

Дорин ФАУЛЕР,

профессор университета Миссисипи

Я не считаю, что роман является ведущим жанром в литературе нашего времени. Целый ряд значительных произведений современной литературы относится к жанру рассказа; во всяком случае, в нынешней американской литературе наиболее заметные произведения создаются именно в этом жанре. К примеру, рассказчиком по преимуществу является Раймонд Карвер, чье творчество я считаю наиболее примечательным явлением в современной американской литературе. Он пишет совсем короткие рассказы — иногда по две-три страницы, но на этих страницах передает цельное ощущение реальности. Являясь на первый взгляд просто «историями из жизни», его рассказы в то же время насыщены глубокой символикой (сборник рассказов Р. Карвера выходит в будущем году в Библиотеке журнала «Иностранная литература». — К. С.).

Возможен ли эпический роман сегодня? Пожалуй, англичанин Джон Фаулз мог бы написать такой роман. Этот писатель как бы отходит в глубь времен, даже в минувший век, как раз для того, чтобы иметь эпическую дистанцию по отношению к происходящему. Кто еще... Пожалуй, мне трудно сейчас назвать кого-либо еще из современных авторов, кто мог бы написать эпический роман, кто мог бы написать о современности в эпическом духе.

Эпический роман для меня предполагает порядок и определенную структуру. А сегодня у людей нет никакого представления ни о порядке, ни об иерархии ценностей. И потому эпический роман — неподходящая форма для современной литературы. Потому ли, что разорванной, фрагментарной, противоречивой стала сама действительность? Нет, скорее, я бы сказал, фрагментарным стало представление писателей о реальности. Это, кстати, объясняет и более частое, чем прежде, обращение к рассказу.

Мы с вами расходимся в трактовке термина «реализм», но, исходя из вашего понимания реалистического искусства, я могу сказать, что наиболее значительные писатели современной Америки работают в русле реалистической традиции — Э. Уокер, Т. Моррисон, Р. Карвер, многие нью-йоркские писатели, писатели «Южной школы».

Но тем не менее множество людей ныне не читают художественную литературу именно потому, что «не доверяют» ей: зачем нам читать все эти выдумки, заведомую неправду, говорят они. Но вспомним, что говорил Фолкнер: настоящая литература всегда правдивее самой правды, есть правда факта и правда сердца. Не все это понимают, к сожалению... Большинство американских читателей отождествляют правду с фактами — мы живем в научно-техническом веке, и вера в факт превалирует сейчас в Америке.

Ну и телевидение, конечно... Существует точка зрения, что те люди, которые предпочитают телевизор книгам, получают от него ровно столько культурной информации, сколько они в принципе откуда бы то ни было могут почерпнуть: они все равно не стали бы читать при любых условиях. Я не согласна с такой точкой зрения. Я считаю, что телевидение оказывает сокрушительное воздействие на взаимосвязь литературы с читателями, ибо оно отучает людей думать. Процесс чтения невозможен без работы мысли и воображения, а телевидение развивает в человеке только зрительную способность за счет всех остальных.

Томас ИНДЖ,

профессор колледжа Рэндолф-Мэкон

Преобладание биографической, документальной, исторической и приключенческой литературы на книжном рынке и в читательских пристрастиях, наблюдаемое ныне, идет, как ни парадоксально, на пользу роману. Роман в этих условиях стремится вобрать в себя документ, биографический и исторический материал (например, романы У. Стайрона «Признание Ната Тернера» и «Выбор Софи», «Обыкновенное убийство» Трумена Капоте, «Армии ночи» Н. Мейлера). Это возвращает роман к традиционным повествовательным формам, ведет к уменьшению экспериментаторства, большему вниманию к разработке характеров. Романисты нынче выбирают такие темы, какие раньше интересовали только историков и биографов. Я полагаю, что у этого направления — большое будущее.

Предсказания о смерти романа делались еще в XIX веке. Но люди, предсказывающие смерть романа, забывают о том, что этот жанр еще очень молод, он — в нынешнем виде — существует всего лишь около двух веков и будет развиваться и видоизменяться еще долго. На мой взгляд, роману предстоит прекрасное будущее.

Правда, в послевоенные годы среди американских романистов уже не появляются такие мощные, определяющие и подчиняющие себе литературный процесс фигуры, как Фолкнер, Хемингуэй, Скотт Фицджеральд. Из пишущих сейчас, пожалуй, наиболее интересны Стайрон, Элис Уокер, Ф. Рот, Дж. Апдайк, С. Беллоу, Воннегут, Дж. Барт. Есть и другие интересные писатели-романисты в Нью-Йорке и на Юге США, но ни один их них, увы, не доминирует на литературной арене, как это было раньше.

Конечно, мировой центр развития романа и сейчас, и, возможно, в XXI веке — Южная Америка. Многие южноамериканские писатели формировались под влиянием Фолкнера, но теперь они пролагают действительно новаторские пути в литературе. Писатели США тоже многому научились у Фолкнера, но не развили его традиции дальше, им не передалось главное — его постоянное новаторство, стремление к обновлению содержания, стиля, повествовательных форм. Стиль Фолкнера, его повествовательную технику, оказывается, вполне можно развивать на совершенно ином жизненном материале — и это с успехом доказывают Гарсиа Маркес, Фуэнтес, Солер Пуиг и их последователи.

Если же говорить в более общем плане, то я считаю, что по содержанию своему роман — наиболее интернациональная литературная форма — будет все больше универсализироваться, узкорегиональные особенности и проблемы будут все более ослабевать, уступать место универсальному человеческому опыту. Я вовсе не хочу сказать, что произойдет утрата национальной самобытности, нет, этот путь видится мне путем приобретений, не потерь — писатели-романисты будут обращаться ко все более широкой аудитории. Скажем, в чем причина нынешней популярности писательницы Элис Уокер? Не отказываясь от негритянского опыта, она выходит за его пределы, к проблемам, волнующим и негров, и белых, свойственным всему американскому обществу, и потому ее романы читают не только негры, но все жители США. Из афро-американской литературы это стало американской литературой.

Многие считают, что в наши дни телевидение, кино, развлекательная литература уводят читателя от классики, от серьезного романа. На мой взгляд, люди, которые отдают все свое свободное время детективам, фантастике, кино- и телебоевикам, в любом случае не стали бы читать серьезную литературу, не стали бы читать, скажем, «Моби Дика» — этот роман не представлял бы для них никакого интереса. Ведь серьезные книги читают не по той причине, что больше нечем заняться.

Эпический роман теоретически возможен ныне, но для этого, честно говоря, нужен несколько иной тип мировосприятия, нежели у большинства современных писателей. Но даже если такой роман и появится, он не будет, конечно, повторять старые образцы. Почему бы, скажем, жизнь в большом городе, урбанистический опыт не могли послужить основой для эпического романа наших дней? Сумел же Карл Сэндберг выразить городской опыт в лирике. Но тут, конечно, надо учитывать, что природная жизнь, жизнь на земле имеет гораздо более долгую историю, а городская, сравнительно недавно сформировавшаяся жизнь не дает еще достаточного материала для эпического произведения. Но вполне возможно, что появится писатель уровня Шолохова или Фолкнера — и напишет городской эпический роман. В искусстве в конечном итоге все решает талант. Могли ли бы мы представить до появления романа Фолкнера «Когда я умирала», что героиней романа может быть женщина, умершая до начала действия, которую везут хоронить? А такой роман, как «Война и мир»? Вряд ли было что-либо подобное до Толстого, и вряд ли будет после.

Дэйвид СТЮАРТ,

заведующий кафедрой английской филологии Техасского университета

Должен честно сказать, что мне не очень нравится современный роман. Вряд ли этот жанр сейчас так же популярен, как, скажем, лет двадцать—тридцать назад. Романы нынче читают только в Нью-Йорке. Люди предпочитают специальную литературу, дающую какую-либо полезную информацию, всякого рода эссе, художественную публицистику, документальную или биографическую прозу, или уж нечто сугубо развлекательное. Ну и телевидение, конечно, убивает роман. Впрочем, у вас, насколько я могу судить, дело обстоит иначе. Я являюсь многолетним подписчиком «Литературной газеты», слежу и за другими вашими литературными изданиями. Конечно, романы Трифонова, Айтматова, О. Чиладзе являются хорошими доводами в пользу жанра.

Что же касается американской литературы, то роман ныне находится здесь на распутье. Модернизм умер. Документализм, попытки интегрировать документ в романную структуру, по-моему, исчерпали себя и не имеют перспектив. Реализм? Тут мы с вами настолько расходимся в трактовке термина, что мне трудно что-либо сказать. По-моему, если называть одним словом — реализм — романы, скажем, Фадеева, Шолохова и Булгакова, то сам термин взрывается, не вмещая столь разнородные произведения. Тогда, конечно, я бы сказал, что и такие наши ведущие романисты, как Воннегут, Барт, Беллоу, являются реалистами, а также Болдуин, Норман Мейлер. Впрочем, Пинчона я бы реалистом все-таки не назвал... А вообще-то, на мой взгляд, все решает специфическое художественное видение, ну, и сам предмет изображения, конечно! Скажем, все лучшие наши романы о вьетнамской войне — сюрреалистические. Но ведь, наверно, это наилучший в данном случае способ передать мироощущение людей, побывавших в этом кошмаре? В целом же, если придерживаться концепции чередования реалистических и романтических «волн» в литературе, в нынешнее время я бы отметил преобладание романтизма.

Что будет завтра и послезавтра — мы не можем даже предполагать. Выйдут на мировую арену и громко заявят о себе африканские, многие азиатские литературы, со своим совершенно особым видением реальности. Какие жанровые формы будут преобладать тогда — мы просто не знаем. А до появления литературы XXI века осталось менее полутора десятков лет.

Подготовил Карен СТЕПАНЯН

А. ЗВЕРЕВ,

доктор филологических наук

Вернется ли «золотой век»?

В РОСТОВЕ часто звучали слова о неожиданной встрече. Шолохов, Фолкнер... Они были людьми разного социального опыта и разных убеждений. Да и друг о друге эти гиганты прозы нашего века знали разве что понаслышке. Во всяком случае, один к другому не приглядывались, созидая свои миры.

Тем не менее последующее движение литературы эти миры сблизило, подготовив сегодняшний взгляд на них как на явления родственные.

Если вдуматься, за непривычностью соседства таких имен обнаружатся логика и необходимость, ни от чьих вкусовых пристрастий не зависящие. Та эпическая картина мира в моменты исторических кульминаций, тот поистине неисчерпаемый драматизм человеческих судеб, прочнейшими нитями вплетенных в судьбы народа и всего людского сообщества,— не к этому ли образцу тянутся лучшие современные прозаики? А где искать этот кажущийся теперь почти недостижимым (и уж несомненно — классическим) образец, если не в «Тихом Доне»? Если не у Фолкнера, создавшего «Свет в августе», «Авессалом, Авессалом!», «Особняк»?

РАСТУЩАЯ актуальность Шолохова и Фолкнера, их сближенность теперь воспринимаются как один из законов, направляющих живую жизнь сегодняшней прозы.

Отчего? Это как раз легко понять. По-разному выражаемое и разными выводами увенчиваемое, одно и то же чувство давно стало привычным во всех спорах о романе наших дней — чувство его относительной слабости. Или, скажем осторожнее, недостаточности, неполноты. Неуверенности перед лицом усложняющейся жизни.

«...Мне не очень нравится современный роман». Далеко не всегда говорят столь откровенно, как Д. Стюарт, однако в оценке романов последнего времени, и даже самых ярких, чаще всего исходят именно из этого ощущения. Причем не нравится в них примерно то же самое. Что конкретно? Ну хотя бы, что слишком отстает самосознание героев от действительного самосознания человека в мире на исходе XX столетия, а оттого коллизии кажутся искусственными или по крайней мере мелковатыми. И что реальность чересчур упорядочивается, формализуется, загоняется в схему, а при соприкосновении с истинной жизнью вся эта постройка разваливается, пусть под нее подведен вроде бы прочный фундамент психологизма или мифологии, социальной насыщенности или тематической злободневности.

Не нравится, что авторское присутствие либо крайне навязчиво, дидактично, либо, наоборот, совсем ослаблено и бесстрастное созерцание теснит поиск правды, а пафос этической, философской глубины на поверку предстает только видимостью — не так уж важно, объективизмом или публицистическим красноречием она создана.

Не нравится, что изображаемый мир не в меру специфичен, однопланов, попросту узок, не нравится, что книга полностью отвечает библиографическим реестрам, где проза рассортирована на городскую, деревенскую, военную, молодежную, политическую и т. п., не нравится, что исчезла «даль свободного романа» и уже нет дыхания большой, всех нас в себя вовлекающей истории.

Все эти грустные наблюдения возникли и были высказаны критикой в связи с романами отечественными и зарубежными, экспериментальными и подчеркнуто традиционными, жизнеподобными и гротескными, притчевыми и фактографическими. Оценки тех или иных книг под знаком определенного упадка, переживаемого ныне романом, разумеется, могут, даже должны вызывать критические столкновения: для кого упадок, а для кого, напротив, преодоление. Мы помним такого рода полемику вокруг «Железного театра» О. Чиладзе, чуть раньше — вокруг трифоновского «Старика». Сейчас ту же дискуссию стимулируют «Игра» Ю. Бондарева, и «Печальный детектив» В. Астафьева, и «Плаха» Ч. Айтматова. Намеренно называю произведения очень несхожие по духу, по объективной художественной значимости.

Переводные книги поминаются в таких спорах не часто, а жаль: многое бы и подтвердилось, и прояснилось. Например, общая, повсюду проявляющаяся обеспокоенность судьбами романа. Она чувствуется не только у критиков. Пожалуй, еще сильнее дает она о себе знать самим характером построения художественной реальности и у латиноамериканских прозаиков, и у Г. Грасса в «Местной анестезии», и у Дж. Апдайка в «Кентавре», и у Л. Мештерхази в «Загадке Прометея» — да мало ли можно привести примеров. Средства отыскиваются очень своеобразные: вряд ли явилась бы в них нужда, останься действенным давно освоенный повествовательный арсенал. И каждая такая книга отзывается новыми сомнениями: обновление романа или его разрушение она знаменует, свидетельствует о творческих победах или иллюстрирует трудности, не преодоленные даже самыми крупными сегодняшними мастерами жанра.

Отвлекаясь от вопроса, насколько справедливы такие сомнения в каждом названном случае, остается зафиксировать, что они не исчезают. Стало быть, не притупляется недовольство нынешним состоянием романа. А если свести воедино разнообразные причины, порождающие это недовольство, сразу станет ясно, что вызвано оно, собственно, вот чем: в романе нашего времени обозначилась острая нехватка эпичности. Ему, по преобладающему впечатлению, недостает способности в духовных муках героя воплотить муки истории. Ему никак не дотянуться до той безукоризненной органики сцеплений индивидуального — народного — общечеловеческого, которая осталась самым бесценным завоеванием эпической традиции, от Толстого идущей. Шолоховым и Фолкнером в наше время всего убедительнее продолженной.

И настолько ощутима эта нехватка, настолько теперь остра потребность в эпике, что часто мы бываем неправомерно суровы, видя у современников одни потери и не замечая, что они — многие из них — свое дело делают серьезно, честно и талантливо.

А Шолохов и Фолкнер начинают нам видеться последними великими прозаиками, словно бы на них закончилось движение романа к новым творческим свершениям.

НА САМОМ деле это, конечно, не так. На самом деле эпическая традиция после «Тихого Дона», после лучших книг о Йокнапатофе вовсе не оборвалась, не стала достоянием хилых подражателей и материалом для филологических диссертаций. Вспомним наш роман о войне, вспомним хотя бы «Знак беды» В. Быкова. Вспомним абрамовскую тетралогию «Братья и сестры». Вспомним, что «Гроздья гнева» Стейнбек написал в 1939 году, а Астуриас закончил «Глаза погребенных» в 1960-м, когда шолоховский эпос, да и фолкнеровский тоже, был уже литературным фактом. Все это книги, которые история литературы поместит в русло, проложенное «Тихим Доном» и романами о вымышленном округе в штате Миссисипи. И едва ли кто-нибудь возьмется доказывать, что они это русло обмелили.

Да и сегодня еще вливаются в него новые притоки. Может быть, не всегда удается с легкостью опознать, к какой артерии они устремлены. И все-таки внимательный взгляд найдет немало свидетельств, что она по-прежнему жива в сегодняшней литературе, эта шолоховская, фолкнеровская эпичность.

Когда сравнивают «Тихий Дон» и книги о Йокнапатофе, при всех различиях хотя бы одна общая особенность выступает наглядно — тот воспетый в знаменитом высказывании Фолкнера клочок земли величиной с почтовую марку, который эпос этого типа способен превратить поистине в краеугольный камень, держащий все мироздание. Мы помним, какие мощные волны прокатываются через хутор Татарский, с поразительной пластичностью изображенный в будничном своем облике и становящийся под пером Шолохова образом мира, расколотого революцией. Мы видели, сколько — и каких! — драм разыгрывается у Фолкнера, описывающего поселок, затерянный где-то в глухомани, но превращающийся в подлинный универсум, когда среди непритязательных этих декораций вспыхивает всегда волновавший американского писателя «конфликт человеческого сердца с самим собой».

Усвоен ли этот урок сегодняшним романом? Думается, усвоен, и не механически, но творчески, то есть глубоко. Айтматовский Буранный полустанок, Цмакут Гранта Матевосяна — разве не вспомним мы о Шолохове, о Йокнапатофе, читая книги, где воссозданы на крохотном географическом пространстве целые пласты народной жизни?! А Макондо Гарсиа Маркеса, сделавшееся воплощением насилия и одиночества — исходных начал всего опыта Латинской Америки? А околия Берковица, гротескный и такой реальный, такой неподражаемо болгарский мир Йордана Радичкова? Тут не ученичество и не влияние, а способ эпичности, в наш век возникший и, видимо, ему органичный.

Надо ли пояснять, что способ этот не единственный, что существует эпичность иного характера, что мировая реалистическая проза XX столетия — это и «Жизнь Клима Самгина», и «Американская трагедия», и «Семья Тибо», и «Доктор Фаустус»... Вопрос не в том, чтобы определить и перечислить варианты построения эпического романа, отдав предпочтение какому-то одному. Вопрос в том, отчего недостает эпичности современному роману, ясно это чувствующему — даже без критических подсказок.

Вот очень распространенная точка зрения: эпического романа в наше время невозможно ожидать, потому что разорванной и фрагментарной стала действительность. Но ведь мы знаем, что эпическому изображению она все же поддается — иначе мы не прочли бы книг Уоррена и Апдайка. Какого качества этот эпос, как в него входит, все время усиливаясь, сатирическая струя — вопрос особый. Но, кажется, ясно, что не материал, с которым вынужден сталкиваться писатель, решает дело, а, как всегда, масштаб задачи, талант, творческая самостоятельность. И главное — духовный горизонт, представление о том, зачем литература и что она может.

Еще один распространенный взгляд: роман переживает скверные времена, потому что его перестают читать, не доверяя ему, как всякому вымыслу. Примерно о том же недавно говорил в диалоге с критиком Н. Ивановой Алесь Адамович («ЛГ», № 40), разумеется, не придавая своим выводам слишком расширительного смысла. Ему представляется, что роман должен уступить место публицистической и документальной прозе («сверхлитературе») в тех случаях, когда искусству не по силам справиться с какими-то особенно болезненными сторонами жизни вчерашней и сегодняшней. Допустим, с опасностью, что жизни просто не будет, и с самоощущением человека, все время помнящего об этом «ничего» взамен «хорошо» и «плохо», взамен гнева и надежды.

Это, конечно, намного серьезней, чем расхожие представления, будто роман просто не нужен в нашу эпоху, любящую точное, а не приблизительное знание. И практика литературы — нашей и зарубежной — дает вполне определенные доказательства, что в некоторых случаях документалистика опередила традиционный роман как по времени, так и по художественному эффекту. Прочтите романы о Хиросиме, — скажем, одноименный роман японца Макото Оды, а потом обратитесь к документальной прозе о Шестом августа. Вряд ли потребуются дополнительные аргументы.

Но мне трудно согласиться с А. Адамовичем, когда он так убежденно заявляет, что Толстой, Достоевский и другие корифеи романа сегодня, чувствуя нужду в прямом предостережении, обязательно бы «взорвали всю свою прежнюю литературу, все свои координаты, все свои сюжеты, все свои навыки». Насчет сюжетов и навыков не спорю, как не спорю и с тем, что «сегодня есть что-то более важное, чем сама литература». Так, впрочем, было всегда — и двести, и тысячу лет назад «более важное» находилось без особых усилий. Но не находилось — и не найдется — ничего, литературу заменяющего.

О том, какое это могучее средство людского общения и духовного воспитания, все мы прекрасно знаем, но знаем и другое: от ядерной катастрофы романы, пусть гениальные, спасти не смогут, литературе — даже «сверхлитературе» — такое не по силам. И вряд ли следует ей поступаться своей природой, хотя бы и во имя самых благородных побуждений. А нам бы не следовало пренебрегать тем, что в ее компетенции и в ее возможностях. Реальных возможностях.

Какое место займет документ в романах близкого будущего, как в них сложатся отношения с публицистикой — сегодня эти проблемы обладают повышенной актуальностью, потому что к ним заставило обратиться движение новейшей литературы. Думаю, что, вбирая в себя документальный материал или доподлинные биографии, роман действительно обогащается. Опасения, что документалистика в итоге его полностью вытеснит, по-моему, беспочвенны.

Совсем иное дело — тревога за обычный роман, не притворяющийся, будто он не вымысел, не авторская фантазия, пусть на сколь угодно достоверной жизненной основе. Различные социальные условия, понятно, предопределяют и разный характер самих этих тревог, хотя и нам бы впору задуматься, как воздействует на литературу телеэкран, как чувствует себя проза в условиях «взрыва культурной информации» и т. д.

Но все же это частности. А надо видеть основное. И основное — это чувство, что «золотой век» романа, скажем так, прервался или, возможно, уже лежит позади. Ибо есть хорошие писатели, но нет великанов. Есть замечательные книги, но нет событийных, меняющих весь облик романа как оптимального художественного инструмента постижения реальности. Есть блистательное мастерство, не подкрепленное содержанием, которое его достойно. Есть прекрасная проза, но нет эпики, которой ждет время. И требует, заставляет с таким жадным интересом всматриваться в любое предвестье эпического романа современности — в латиноамериканский роман, в книги наших прозаиков, в прозу США последнего десятилетия.

Без разочарований тут не обходится, и все-таки не оставляет надежда: как знать, не вырастет ли из всех этих усилий эпический роман конца столетия, не вернется ли «золотой век»?

В ОТЛИЧИЕ от Дж. Пилкингтона, я бы не решился делать уверенные оптимистические предсказания. В делах литературных прогнозы рискованнее, чем в метеорологических, а список посрамленных пророков и без того обширен. Лучше остаться на почве реальных фактов, постаравшись взглянуть на них без предвзятости.

Это не так легко, потому что существует изрядное количество концепций, не только все объясняющих, но и указующих единственно надежный выход. Споря друг с другом, эти концепции имеют удивительное свойство становиться неотличимыми, как только они освобождены от оценочного момента и взяты в своей логической сущности. Она неизменно определяется тем, что только один тип романа признается истинным, все прочие — подделкой или вредным заблуждением. Роман при всех условиях должен быть интеллектуальным. Или документальным. Жизненно достоверным. Или, напротив, не имеющим абсолютно ничего общего с этой презренной реальностью, деформирующим ее беспощадно. Лирическим. Публицистичным. Опирающимся на миф. Продолжать можно еще долго.

Если эпичность понимать как некую обязательность подобного рода, упаси боже, чтобы она возобладала. Это будет означать умерщвление романа, который тем и выделился среди всех других жанров, что он теснее всего связан с меняющейся жизнью и, как жизнь, не сводим ни к какой единственной модели.

Но эпичность — это ведь не тема, не материал, не строго однозначный метод его художественной организации, подавляющий иные возможности. Это «только» способность романа охватить мир в его многомерности, сложности, динамике, найдя форму и органичную, и емкую до бесконечности. Как не согласиться с Т. Инджем — для этого действительно нужен «несколько иной тип мировосприятия». И нужен он не только американским писателям.

Оно сегодня необходимо, видимо, всем, то мировосприятие, которое создает эпичность, не достижимую без опоры на национальные духовные ценности, но и без чувства неделимости всего человечества, оказавшегося перед вполне вероятной перспективой испепеленной планеты. Немыслимую без ощущения истории и традиции, но и без смелости изобретения — тоже.

Утвердится ли оно, станет ли доминантой в современной литературе — кто осмелится категорически это утверждать или отрицать? Остается надежда. Роман в самом деле еще очень молод, хотя нам кажется, что он был всегда. Отходные над ним читали неоднократно, и всякий раз выяснялось, что то было усердие не по разуму. Мысли эти, конечно, утешительны, но не надо, чтобы они убаюкивали. Неудовлетворенность должна остаться, без нее ведь движения вперед не бывает. А оно необходимо. Что-то, видимо, обязано измениться в самочувствии жанра, что-то обязано произойти, чтобы кончилось состояние затянувшихся ожиданий и не предметом гипотез, а реальностью стал эпический роман наших дней.

Будем верить, что мы его обязательно прочтем.